

ВОЕВАТЬ МНЕ НЕ ДОВЕЛОСЬ

Ростислав Васильевич Кинжалов, заслуженный деятель науки РФ, доктор исторических наук, талантливый ученый и писатель, главный научный сотрудник Отдела этнографии Америки МАЭ. В годы войны работал политпросветработником в прифронтовом госпитале.

В июне 1941 года я закончил среднюю школу в г. Воронеже с аттестатом отличника и был принят без экзаменов на I курс филологического факультета ЛГУ. 21 июня, в субботу, у нас состоялся выпускной вечер, но был я на нем недолго и рано ушел, так как в последней декаде месяца должен был состояться Всесоюзный комсомольский кросс, а я как секретарь бюро ВЛКСМ школы отвечал за его подготовку. В понедельник мне надо было присутствовать на утреннем совещании в горкоме комсомола. Хотелось основательно выспаться после экзаменов.

Встал я в воскресенье часов около одиннадцати, но скоро пришел двоюродный брат и сказал, чтобы мы включили радио: ожидается выступление В.М. Молотова. О войне никто из окружающих меня не думал, выпускники мечтали о вузах, школьники и учителя — о каникулах. Недавнее сообщение ТАСС успокоило тех, кто смотрел на складывающуюся военную обстановку в Европе глубже. Большинство же моих сверстников, да и люди старше нас

свято верили, что, если и разразится какой-либо военный конфликт, он закончится быстро и победно. Думаю, тут действовали и сообщения о недавних победах наших войск у озера Хасан и на Халхин-Голе и особенно книга Н. Шпанова «Первый удар» и кинокартина, созданная по ней. Они пользовались тогда особой популярностью. И хотя фильм вышел на экраны уже после заключения пакта о ненападении с Германией, в противнике легко угадывались фашистские войска. По нему, как только враги слегка потеснили наших пограничников, советская

бомбардировочная авиация наносила сокрушительный удар. А там рабочий класс восставал против фашистского режима и брал власть в свои руки. Поэтому в первые дни после нападения все мы (во всяком случае, молодежь) свято верили, что так и будет. Сказывалась и вера в могущество Красной Армии и надежда (скорее — уверенность) в сознательности трудящихся масс Германии, в то, что они не захотят воевать против первой страны социализма. Действовали и появлявшиеся в первое время в газетах фотографии, где наши бойцы вели сдавшихся в плен немецких солдат. Я пишу так, стараясь как можно правдивее передать чувства, владевшие тогда нами. Горькое осознание действительности пришло к моим сокурсникам позже, когда нас послали под Смоленск рыть окопы. Меня лично в первые дни несколько настораживало лишь то, что военные сводки очень скупы, по радио часами звучат марши, а сообщения о нашем ответном ударе все нет и нет...

В понедельник, после совещания в горкоме и выступления на школьном митинге, комсомольцы начали подготавливать некоторые школы под госпитали. Это распоряжение нас не удивило, потому что во время финской войны мы это уже делали (тогда было много обмороженных бойцов).

По-настоящему мы начали осознавать масштабы (но не продолжительность!) начавшейся войны лишь после известного выступления Сталина 3 июля по радио. Особо подействовало на всех нас даже не то, что он сказал, а непривычное обращение: «Братья и сестры! К вам обращаюсь я, друзья мои!». Эти неожиданные начальные слова и паузы, когда он наливал воду и было слышно, как дрожит его рука, звякая горлышком графина о стакан, было страшно слушать!

Дальше последовали ночные дежурства в горкоме ВЛКСМ (первым секретарем была избрана А. Мжачих, а ее предшественник и бокальская часть штатных работников ушли в армию, поэтому привлекались активисты), поездка под Смоленск старшекласников специальным эшелоном для подготовки оборонительных сооружений. Пробывали мы там недолго, в основном рыли противотанковые рвы, немцы нас бомбили и обстреливали из пулеметов. К счастью, обошлось без жертв. Провожали нас торжественно, с митингом и духовым оркестром, возвратились мы скромно. Кто-то из ведущих военачальников, объезжая рубежи обороны, узнал, откуда наша группа, и приказал отправляться немедленно обратно. Это оказалось правильным решением.

В начале августа мне стало ясно, что об учебе в университете думать нечего, надо идти в армию. Дело осложнялось тем, что я был белобилетником и не подлежал призыву. Помог горком ВЛКСМ: меня

направили политпросветработником в госпиталь 2676 (сперва он был в составе Брянского, а потом Воронежского фронтов). Работал санитаром. Там комсомольцы избрали меня секретарем. Протоколами и заседаниями мы не злоупотребляли. Главное было — вовремя принять раненых бойцов, обработать и отправить их в тыл. Срочные операции проводились на месте, иногда не хватало наркоза, вместо него давали спирт.

Весной 1942 года положение на нашем участке серьезно осложнилось. Были частые бомбежки, раненые рассказывали о ситуации на Северском Донце. Но по мере того, как немцы продвигались к Сталинграду, напряжение около Воронежа спадало и в середине августа стабилизировалось.

В сентябре 1942 года я был демобилизован из армии по состоянию здоровья. В это время меня разыскал Ленинградский университет, эвакуированный в Саратов, и прислал вызов. Можно было продолжать учебу. На этом кончилась моя военная биография, если не считать оборонительных работ в Саратове, где мы, студенты, рыли окопы...